

**Апробация предварительных результатов исследования по проекту РФФ.
Стенограмма. 21 августа 2019 г. Часть 1**

Выступление Н. И. Храпунова

(Обсуждение выступления Н. И. Храпунова)

Почекаев Р. Ю.: Спасибо за доклад, очень интересный. Вопрос, собственно, в следующем. Вот в тех проектах, которые Вы рассматривали, анализировали тексты, встречается ли там понятие Великая Тартария, которое периодически всплывало в разные времена, или уже к тому времени оно утратило свою востребованность, актуальность?

Храпунов Н. И.: Великая Татария – нет, но понятие Татария всплывает без слова «Великая». Они широко используют это слово Татария, причем с лишней буквой р, которая отсылает к Тартару, преисподней, то есть наследие – воспринимать татар как экзистенциальную угрозу – сохраняется. И, конечно, эти люди не понимают разницу между татарами крымскими и, условно, татарами сибирскими. Для них они все – единые враги цивилизации, экзистенциальный враг, противник, «другой», с которым они себя сравнивают. И слово «Татария» еще фигурирует, «Великая» – уже нет.

Шлапентох Д. В.: Некоторое небольшое добавление. Если Великая Татария здесь некий экзистенциальный геополитический враг, то Китай, наоборот, был очень популярен в то же время, в XVIII в. Только совершенно под другим углом, ни столько даже как источник богатств, сколько как некая утопическая организованная монархия с просвещенным государем, мандаринами, которые правят не потому, что они родились мандаринами, а потому, что они, действительно, философы и мудрые люди. Вот этот противоречивый образ Востока – богатство, жестокость, brutальность, одновременно идеальное общество – все это укладывается в одну коробку утопизма.

Храпунов Н. И.: Я бы позволил себе следующий комментарий. Мне кажется, эти люди все же не были столько наивными. Они просто использовали Китай, например, как некую обертку. Вот как Александр Дюма говорил про историю: «Для меня это гвоздь, на которые я вешаю свои картины». И когда Вольтер описывал Китай в совершенно превосходных тонах, как идеал просвещенной монархии, мне кажется, он понимал, что это нереальный Китай, что это Китай в его голове. И когда Монтескье отправляет принца Узбека, правителя Персии, во Францию, чтобы тем самым обличать пороки французского общества, понятно, что его Узбек рассуждает не как восточный человек, он рассуждает как сам Монтескье. И я думаю, что Монтескье был достаточно разумным человеком, чтобы понимать, что никакой персидский принц в жизни не мог бы так рассуждать и так глубоко разбираться в тонкостях французской философии. То есть для них это просто повод как бы обратиться к этому чужому опыту, чтобы говорить о насущных для них проблемах.

Котюкова Т. В.: Я буквально реплика. Вы знаете, как ни странно, я так понимаю, что Вы заканчиваете свое выступление хронологически где-то началом XIX в. Но в 1915 г. так называемый Комитет российских мусульман, угнетенных российских мусульман, совершал европейское турне по столицам воюющих стран в Софии, Вене, Берлине, Копенгагене и т. д. В нем были представитель Туркестана, Бухарского эмирата, был представитель Поволжья, представитель крымских татар и представитель от, условно, современного Азербайджана, закавказских татар – вот эти пять человек предлагали: давайте вы сейчас поможете нам получить независимость в мусульманских регионах Российской империи; Крым отойдет тут же под протекторат Турции, Туркестан и Степной край получают полную независимость, Казань получит независимость: будет восстановлено ханство, а Каспий будет зоной свободной мировой торговли. А у немцев был план, который, как я понимаю из того, что слышала, состоял в том, чтобы направить потоки сырья и вообще торговли в Германию. Немцы и так и сяк крутили, наблюдали несколько месяцев и дело закончилось ничем, хотя в отчетах немецкого МИДа они откровенно пишут, что реализация такой идеи – ну, просто ничего лучшего желать нельзя, что это наша заветная и сокровенная мечта. Но поддержать ее они тогда не рискнули. Так что эта идея до начала XX века в той или иной форме

существовала.

(Экспертная оценка со стороны научного коллектива по проекту. Озвучил участник проекта Р. Ю. Почекаев)

Сообщение представляет собой весьма качественный анализ формирования идеологических и политических оснований проникновения европейских «великих держав» в центрально-азиатский регион. Ценность сообщения также в том, что автор сумел показать геополитические взаимосвязи и взаимозависимость различных регионов Российской империи, в частности Крыма как «ворот» в азиатскую часть России. Сообщение основывается на источниках рассматриваемого периода (значительную часть которых составляют сочинения иностранных авторов, до сих пор не введенных в отечественный научный оборот) с привлечением солидной историографии. Результаты проведенного исследования могут представлять интерес для дальнейшей реализации проекта «Центральная Азия в международных отношениях XVIII–XIX в.» с точки зрения привлечения и анализа дополнительной историографии (С.И. Ковальская), особенностей воззрений европейских народов и их конкретных представителей по поводу роли и статуса Азии в мировой политической системе и обоснования укрепления в них позиций «великих держав» (О.О. Лисенков, Р.Ю. Почекаев).

Выступление М. М. Бегалиева

(Обсуждение выступления М. М. Бегалиева)

Лысенко Ю. А.: Если коротко, Туркестан и Степной край в этих геополитических проектах и в целом расширение границ Российской империи рассматривалось представителями геополитической мысли как объективно закономерное движение?

Бегалиев М. М.: Вы имеете в виду авторов этих?

Лысенко Ю. А.: Да.

Бегалиев М. М.: Да, большинство из них рассматривало расширение империи как закономерный процесс. Концепция «от моря до моря» в нескольких работах уже упоминалась. Говорилось, что Туркестан является естественным направлением расширения Российского государства, потому что на запад – Европа, было крайне сложно, на юг – к Черному морю, тем более к Средиземному морю, к Персидскому заливу тоже большие препятствия. А вот движение к Тихому океану и на юг в сторону Ирана, в сторону Индийского океана – это было одним из естественных направлений. Не надо забывать о цивилизаторской роли, миссии особой – «Москва – третий Рим» и пр. В идейном, культурном, религиозном смысле, а также вот в геополитическом смысле многие авторы считали, что это естественное направление. Как П. Савицкий, один из классиков евразийства. А. Дугин его считает главным идеологом и политическим лидером евразийства. У него есть фраза: «Первое обнаружение евразийского культурного единства приходится искать не в Киевской Руси, не в Хазарском каганате, а в империи Чингисхана». Он пишет: «Монголы сформулировали историческую задачу Евразии, положив начало ее политическому единству и основам ее политического строя». То есть, признавал особую заслугу монголов, которые смогли впервые на практике осуществить эту главную задачу Евразии, что потом Иван Грозный и в последующем русские правители воплощали. И вообще, кто-то говорил, что Россия по праву победителя победителей унаследовала эту идею и право господствовать на территории Евразии. То есть раньше были монголы, тюрки, хазары, авары. А так как Россия стала победителем победителей, эту миссию она получила в качестве наследства.

(Экспертная оценка со стороны научного коллектива по проекту. Озвучила участник проекта С. А. Асанова)

Автор сообщения приводит краткий обзор идей и воззрения ряда авторов рассматриваемого периода, уделивших внимание геополитическому и идеологическому обоснованию присоединения Туркестана к Российской империи. Результат проделанной работы представляется противоречивым: с одной стороны, эксперт опирается на работы достаточно хорошо известных авторов (Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, Л.И. Мечников, А.Е. Вандам, Г.В. Вернадский) и характеризует их воззрения настолько кратко и конспективно, что вряд ли имеет смысл говорить о его значительном научном вкладе в изучение этого вопроса. С другой стороны, он поднимает вопросы, которые могут представлять интерес для развития проекта «Центральная Азия в международных отношениях XVIII–XIX в.», в частности, дальнейшего изучения формирования имперской идеологии присоединения Центральной Азии и управления ею (Д.В. Васильев, С.И. Ковальская, О.О. Лисенков).

Выступление А. Р. Фофановой

(Обсуждение выступления А. Р. Фофановой)

Васильев Д. В.: Спасибо большое, Анна Романовна. Действительно, мне показалось чрезвычайно интересным Ваше сообщение, наверное, потому, что я много еще чего не знаю. Действительно, за Большой игрой, которая велась между двумя основными соперниками, забываешь, что была третья сторона, и не только она, были еще акторы. Спасибо, что Вы нам напомнили. Про хлопок мы знали, про американский, что туркестанский хлопок – не конкурент американскому Upland, который акклиматизировали, но не доакклиматизировали, потом он начал постепенно вырождаться. Все эти истории нам знакомы. Но Вы их включили в контекст международных отношений. Мне лично приятно было вспомнить, что, между Россией и Соединенными Штатами были периоды такого взаимного, искреннего и доброжелательного интереса. Россия видела в Америке торгового партнера, а Вы нам напомнили, что Америка видела в России своего рода союзника даже не в европейских, а в каких-то евразийских процессах. Большое спасибо. Есть у кого-то из коллег вопросы?

Дарбаев А. Г.: Вы говорили, что информатором Соединенных Штатов Америки являлся посол в Петербурге, и приводили примеры того, что он считал и думал о политике, которую Россия проводила в Центральной Азии. У меня вопрос такой. А кто, собственно говоря, являлся информатором самого посла Соединенных Штатов? Может быть он, как это бы сейчас сказали, выезжал на места?

Фофанова А. Р.: Честно говоря, основным источником Кассиуса Клея, американского посла, являются его дневники, записи, которые он оставил уже после возвращения в Соединенные Штаты. Они были написаны им не во время пребывания в России, а уже после того. Я не сказала бы, что он указывает на каких-то конкретных своих информаторов. Тем не менее, он многократно указывает на то, что ему действительно удалось, скажем так, подружиться и приблизиться к царскому двору. Это понятно: он был дипломат и должен был присутствовать на официальных встречах и приемах. Он неоднократно подчеркивает, что имел личный разговор с тем-то и с тем-то, то есть подчеркивает свою приближенность и доверенность к царскому двору. Но каких-то конкретных имен он, к сожалению, не называет. Он не имел представления о положении дел в Центральной Азии. Его позиция интересна с точки зрения рассмотрения России в контексте триады Россия – США – Англия. А более, скажем так, полевые исследования были предприняты в ходе двух поездок, которые я упомянула: Мак-Гахана и Скайлера.

Почакаев Р. Ю.: Присоединяюсь к Дмитрию Валентиновичу в оценке Вашего выступления. Нам всегда было известно, еще с советской историографической традиции, что у США были свои интересы на Дальнем Востоке преимущественно, а вот Средняя Азия рассматривалась, конечно, мало. Два соображения, если позволите. Первое, все-таки у меня сложилось такое впечатление, что Вы немножечко как-то абстрактно в целом оцениваете позицию Соединенных Штатов и посла как выразителя этой типичной оценки. Все-таки Соединенные Штаты Америки – это не некий монолит. Это были и властные структуры, это был и бизнес, это была и четвертая власть как раз в лице информаторов из Средней Азии. Может быть, стоило как-то и этот момент учесть, может быть не в рамках как раз данной Вашей готовящейся публикации, а в дальнейшем. Позиции различных кругов. Если по Средней Азии, может быть, расхождений в какой-то период не было, то в других-то регионах были обострения. Скажем, Япония, Гонконг, Южный Китай. Там и довоенные столкновения между российским флотом и американским. Эпизодические, конечно, не приводившие к каким-то расхождениям между государствами, но случаи имели место быть. И, собственно, по поводу этих среднеазиатских информаторов, как раз-таки Мак-Гахана и Скайлера, парочку уточнений. Мак-Гахан не путешествовал, он был военным корреспондентом. Он был прикреплен к российской армии, совершал поход в Хиву вместе с ней. Потом со своим другом М. Скобелевым участвовал в русско-турецкой войне, тогда-то он и умер от чахотки. Он был, действительно, положительно оценен в России. Вот что касается Скайлера, я не могу согласиться с Вашей интерпретацией его позиции. Во-первых, до Хивы он не доехал: его не

пустили. Этим, собственно, объясняют жутко русофобскую позицию в его публикациях по сравнению с Мак-Гаханом. Он очень осуждал как раз российскую политику. Инсинуации приводил, утрировал российскую жестокость по отношению к местному населению. Особенно его скандальная публикация о расправе с туркменами, которая вызвала потом во всем мире ажиотаж и бурную дискуссию на страницах прессы. То есть Скайлер, конечно, к пророссийским не относился, он был откровенный англофил и отражал в своих работах совершенно английскую позицию. Это ремарка.

Шлапентох Д. В.: Два небольших добавления. Первое, может быть, будет интересна докладчику как человеческая информация. Переписка, депеши между Соединенными Штатами и различными государствами – она открыта и существует в большом количестве бабин на микрофильмах. В США существуют бабины, которые дают очень подробную информацию о переписке между Вашингтоном и его послами в различных странах мира, включая время до холодной войны и холодную войну. Начинается ли она с начала XIX в., я не знаю, скорее всего, с середины – конца XIX в. Второе, я не американист, но точно знаю, что к концу XIX в. американское общественное мнение было по отношению к России достаточно негативным. Чем это было вызвано – рядом причин. Во-первых, большое количество еврейских эмигрантов, погромы – это все газета «Нью-Йорк таймс» печатала с большой радостью, и «Лондон таймс» также. Кроме того, была проблема с политическими заключенными. И была такая личность Кеннан. Он был дядей того самого знаменитого дипломата, который послал большую телеграмму, с которой началась холодная война в 1946 г. Так вот этот Кеннан был тоже профессиональным специалистом по России. Он напечатал два больших тома о каторге в России, а также вел активную переписку с ссыльными, народовольцами, которая сохранилась в Нью-Йоркской публичной библиотеке в рукописном фонде. Эта информация также не способствовала позитивному образу России в Соединенных штатах. Причем эта негативная информация к концу XIX в., судя по всему, усилилась. Думаю, все это полезно будет Вам.

Фофанова А. Р.: Я бы хотела этот момент прокомментировать. Действительно, когда говорят о американо-российских отношениях в конце XIX в., вспоминают все эти еврейские погромы, продвижение России в Китай, Маньчжурию, политических заключенных. Но вот почему я выбрала эту тему для сегодняшнего доклада. Я немного занимаюсь сюжетами, связанными как раз с русско-японской войной, конкуренцией держав за Дальний Восток. Мне было очень интересно посмотреть, когда произошел этот сдвиг американской риторики против России. Статья была направлена на то, чтобы показать, что изначально было какое-то понимание американцами российской политики в этот период, и что, в принципе, были какие-то благожелательные отклики относительно позиции России в Центральной Азии, и это было связано с тем, что США в этот период не имели никаких интересов в Центральной Азии, и это не противоречило внешнеполитическим интересам, внешнеполитическим задачам. А тогда, когда интересы России и США начали сталкиваться на Тихоокеанском побережье, тогда мы, действительно, начинаем наблюдать смену риторики и как раз возрождение всех идей, всех историй о еврейских погромах, о жестокости России и т. д. В некоторой степени, этот эпизод с Центральной Азией – поворотный, скажем так, между Центральной Азией и Тихоокеанскими отношениями России и США.

Котюкова Т. В.: Скажите, пожалуйста, как много американских путешественников посещало Центральную Азию и существует ли блок литературы специальной, отчетной, дневниковой.

Фофанова А. Р.: Немного, по сути дела – Мак-Гахан, донесения Скайлера. Если мы обращаемся к сюжетам Дальнего Востока, интерес возрастает, но вот относительно Центральной Азии достаточно скромные исторические материалы.

Котюкова Т. В.: Это связано с отсутствием интереса или просто сложностью с получением разрешения?

Фофанова А. Р.: Думаю, и то и другое. И сложность получения, и, конечно же, тот факт, что Центральная Азия не была таким значимым объектом внешнеполитических

интересов Соединенных Штатов. Они следили за этим с точки зрения конкуренции, соперничества России и Англии в этом регионе. Держали руку на пульсе.

(Экспертная оценка со стороны научного коллектива по проекту. Озвучила участник проекта С. И. Ковальская)

Автор сообщения сосредоточился на анализе участия в центрально-азиатских международных отношениях рассматриваемого периода участника, деятельность которого сравнительно слабо исследована в историографии – Соединенных штатов Америки. Автор постарался рассмотреть влияние США на политику в регионе в разных ракурсах – политическом, экономическом, отчасти – идеологическом. Результаты исследования могут оказаться востребованными при реализации проекта «Центральная Азия в международных отношениях XVIII–XIX в.» в рамках изучения социально-экономических и культурных реалий региона, внешних факторах влияния на них (С.А. Асанова, Д.В. Васильев), расширения историографии, посвященной истории международных отношений в Центральной Азии (С.И. Ковальская), анализа роли и значения «мировых держав» в регионе в сравнении с их ролью в мировой политике (О.О. Лисенков). В рамках данных направлений представляется перспективным дальнейшее взаимодействие с экспертом.

Выступление А. А. Некрасова

(Обсуждение выступления А. А. Некрасова)

Васильев Д. В.: Большое спасибо, Андрей Анатольевич. Вот у меня на полке стоит А. Моррисон “Russian Rule in Samarkand” много лет, а Ваше выступление заставило его почитать. Потому что у меня как-то не укладывается в голове, что британцы сделали больше в Индии, чем русские в Азии. Достаточно включить телевизор и посмотреть на Пакистан. А как поделили Среднюю Азию – это шок и трепет. Но, тем не менее, участники процесса как-то могут обходить острые углы. Но это была такая ремарка, для того чтобы перейти к вопросам или комментариям.

Ковальская С. И.: Я хотела бы немного прокомментировать и продолжить то, что начал Дмитрий Валентинович. Потому что во всех выступлениях, и устных и кулуарных, в своих трудах А. Моррисон всегда подчеркивал, что Великобритания никогда и никуда не шла, ничего не предпринимала, если у нее не было реального практического интереса. В отличие от России, которая многие вещи делала совершенно по другим основаниям. И в этом ключевое отличие. А что касается Central Asia’ Studies, на мой взгляд, это достаточно маргинализованная сфера... В том плане, что количество специалистов по региону не так велико. Мне кажется, эти четыре автора, с которых Вы начали...

Некрасов А. А.: Там был один представитель Центральной Азии, С. Н. Абашин из России, японец Уяма Томохико и канадский историк Джефф Сахадео четвертый.

Ковальская С. И.: Уяма Томохико полон симпатии к Центральной Азии, особенно к Казахстану. Зная ситуацию изнутри, так сказать, он был более оптимистичным. Но в целом, конечно, нужно смотреть по странам. Потому что, допустим, на одной конференции Катрин Пужоль сказала, с каким удовольствием она наблюдает, как все больше во Франции становится магистров, докторантов, которые изучают Центральную Азию. Мне кажется, это ни что иное, как продолжение некоей традиции, когда интерес к региону то выходил на передний план, то уходил в тень. Вы подчеркнули, что у сегодняшних авторов нет памяти жанра, этой составляющей старшего поколения. Это верно. Кроме того, они, действительно, знают языки региона. Так, например, Александр Моррисон, помимо того, что он знает классические восточные языки, прекрасно говорит и даже поет по-узбекски и по-казахски. «Архивная революция» 90-х годов XX века сделала доступными архивные фонды для наших западных коллег. Сегодня мы практически все знакомы друг с другом и часто дружим. Есть большая мечта – совместно написать историю Центральной Азии. Какие-то шаги навстречу друг другу мы делаем, и наша апробация предварительных результатов исследования по проекту, обсуждение докладов – одна из таких попыток. А если мы сюда подключим наших коллег из дальнего зарубежья, это вообще будет замечательно.

Васильев Д. В.: Это будет следующий большой проект. Сегодня имя Скайлера звучало уже несколько раз. Но никто его современными глазами не прочитал. По себе скажу, и Вы, наверное, знаете, когда мы сталкиваемся с документами, уже изученными, с исследованными проблемами в XIX, даже в XX в., и смотрим сегодняшними глазами, мы видим там второй, третий пласт, на которые наши предшественники по тем или иным причинам не обращали внимание. И я считаю, обращаясь к присутствующему здесь молодым людям, не то что депеша, казус Скайлера, а вообще комплекс документов, с ним связанный, может стать поводом для нового серьезного исследования.

Котюкова Т. В.: Хочу еще раз вернуться к Моррисону и Британии. Я когда-то очень давно, в 1997 г., будучи студенткой пятого курса ТашГУ, полгода училась в британском университете. У нас был профессор Вилтейлер, который читал что-то вроде семинара: сравнение британской колониальной и русской колониальной политики. Писали итоговый реферат на эту тему. Так вот, он нам всем говорил, что, в отличие от Британской империи, Российская империя дала народам, входившим в ее состав, в частности, народам Центральной Азии, во-первых, освобождение женщины Востока, во-вторых, доступную медицину, в-третьих, образование. То есть то, чего Британская империя, на его взгляд, категорически не дала народам колониальной Индии. Четвертый пункт – освобождение от

рабства.

Васильев Д. В.: Я бы даже образование не трогал, а вот медицину – да. Потому, что медицина распространялась весьма интенсивно. И русификация, если мы вообще можем говорить об этом в XIX в., она шла именно через канал этого медицинского обеспечения. И в первую очередь женщин и рожениц. Удивительная вообще для империи ситуация, когда она набирает женщин врачей (с мужчинами не было проблем), потому что шариат не позволяет мужчине прикасаться к женскому телу. Где это видано?!

(Экспертная оценка со стороны научного коллектива по проекту. Озвучил участник проекта Р. Ю. Почекаев)

Как следует из названия, сообщение носит историографический и обзорный характер. Как часто бывает с историографическими обзорами, он не свободен от недостатков, поскольку выбор и характеристика тех или иных научных работ во многом зависит от субъективности автора, его отношения к исследованиям, наконец – их доступности для него. Тем не менее, опять же, как и любой историографический обзор, данное сообщение представляет интерес для дальнейшей реализации ряда направлений проекта «Центральная Азия в международных отношениях XVIII–XIX в.». Это – и расширение его историографической базы (С.И. Ковальская), и сравнение политики России в Центральной Азии и Британской империи в Индии (Д.В. Васильев, О.О. Лисенков). Соответственно, представляется целесообразным дальнейшее взаимодействие с экспертом в целях своевременного отслеживания новинок англоязычной историографии по истории Центральной Азии и международным отношениям в ней в XVIII–XIX вв.

* * *

(Дискуссия по международным отношениям в Центральной Азии, по дипломатическим отношениям)

Васильев Д. В.: Уважаемые коллеги, у нас есть возможность провести небольшую общую дискуссию. Есть несколько вопросов, которые мне представляются актуальными. Один, самый главный, к Сауле Карибаевне, хотя она не ожидает, думает, что вчерашний день прошел. Но у меня что-то застыло в моем интеллектуальном безмолвии. Когда я защищал докторскую диссертацию в МГУ, мне при обсуждении коллеги, известные, маститые, говорили: «Как Вы, Дмитрий Валентинович, можете говорить о дипломатических отношениях между Россией и казахскими жузами, между Россией и ханствами?! Ведь дипломатические отношения могут быть между равными субъектами международных отношений!» На Ваш взгляд, Сауле Карибаевна, насколько субъектны были казахские ханства и насколько допустим термин «дипломатические» к отношениям между Петербургом и центральноазиатскими ханствами?

Удербоева С. К.: Спасибо за вопрос. На самом деле это очень интересный вопрос. Это предмет бесконечного обсуждения и в казахстанской историографии. Вы знаете, казахстанские историки вполне естественно отстаивают, что это было самостоятельное, официально оформленное государство, имея в виду Казахское ханство, и что существовали дипломатические отношения. И очень много защищено диссертаций, особенно в годы независимости, по казахско-русским взаимоотношениям, чтобы доказать это. Ведь акту Абулхаира предшествовало достаточно много посольств к русским царям по разным поводам. Это тоже один из фактов, доказательств существования такого оформившегося государства. Естественно, это было специфическое кочевое государство, которое устанавливало свои дипломатические отношения не только с русским государством, но также с Китаем, даже с теми же джунгарами. То есть, думаю, что это вполне обосновано и вполне

доказуемо, на мой взгляд.

Васильев Д. В.: У меня пока нет взгляда. Но мне кажется, как неспециалисту, что дипломатические отношения между субъектами – это когда есть международные договоры, подписанные с одной и другой стороны. Иначе мы скажем, что и калмыцкие шерти – это тоже международные отношения, хотя это клятва, условно клятва, на верность Петербургу и еще чему-то.

Почакаев Р. Ю.: Хотел бы добавить дополнение к тому, что было сказано. Вспомнить сравнительно недавно вышедший двухтомник эпистолярного наследия ханской элиты. С кем там идет переписка: императору, и дублируется письмо канцлеру – главе внешнеполитического ведомства со стороны ханов, султанов и т. д. Они на дипломатическом уровне как раз общаются.

Васильев Д. В.: Но это специфика управления окраиной через МИД.

Почакаев Р. Ю.: В чьем ведении находились Коллегия иностранных дел, Министерство иностранных дел? Иностранных дел все-таки, то есть субъекты если не самостоятельные, то, по крайней мере, с очень существенной автономией, позволяющие вести переговоры, близкие к дипломатическим, если не чисто дипломатические в нашем современном понимании. Я формально-юридически рассуждаю.

Массака И. А.: Я только одно слово как политолог. Очень легко решить вопрос: это смотря в каких работах употреблять «дипломатические отношения». Если употребляете это в работах политологического типа, конечно, это не пойдет. По дефиниции теории государства и права, этот термин употреблять невозможно. Но если вы говорите, что кто-то из историков писал о таких отношениях как дипломатических, то тогда можно.

Удербоева С. К.: Чуть-чуть хотела добавить. Присоединению Казахстана к Российской империи предшествовал достаточно большой опыт присоединения грузинских княжеств, калмыков и т. д. И в документах ведь указано, что Коллегия иностранных дел рекомендует развивать восточное направление, И. Кириллову рекомендовано наладить дипломатические отношения и т. д., и т. п., развивать флотилию на Аральском море.

Васильев Д. В.: Но тогда из Казахстана не получится колония?!

Удербоева С. К.: Ну, это уже другой вопрос.

Храпунов Н. И.: Комментарий мой заключается в следующем. Если поискать параллели, о которых вчера много говорилось, в других регионах, то мы можем найти такую сомнительную параллель в отношениях, например, России и Польши в XVIII в., когда Польша уже полностью зависела от России и, как известно, решал все не польский король, а русский представитель, который сидел в Варшаве. Если король решал что-то не так, ему быстро объяснялось, как надо правильно решить, или «назначался» новый король. Но ведь с точки зрения любой историографии, конечно, были какие-то российско-польские дипломатические отношения в XVIII в., хотя ни для кого не было секретом крайне сомнительное положение Речи Посполитой. Если провести такую параллель с Казахстаном накануне его присоединения к России, мне кажется, можно политическую ситуацию назвать дипломатией. Почему нет? Спор о терминах.

Фофанова А. Р.: Я хотела бы добавить, раз речь зашла об исторических параллелях. В американской историографии сейчас, возможно на волне моды на изучение коренных народов, и политкорректности вообще, очень популярно говорить о таком феномене как индейская дипломатия. Говорят о том, что, например, Соединенные Штаты получали от индейских племен территории путем договора. И эти договорные отношения – договоры с индейскими племенами – тоже элемент дипломатии. Собственно, защитники этой точки зрения отмечают, что сами теория дипломатии, понятие дипломатии были сформированы европейцами. Это такой европоцентричный взгляд на индейские племена. То есть, когда мы говорим об индейской дипломатии, нужно понимать, что у нее была своя специфика, своя традиция. И то, что мы сейчас оцениваем с точки зрения дипломатии, понимания что такое дипломатия, что такое договор, мы оцениваем с наших европоцентричных позиций.

Васильев Д. В.: Более того, мы нарушаем принцип историзма, потому что мы должны

посмотреть на ситуацию глазами людей того времени.

Лысенко Ю. А.: У меня две ремарки. Я поддерживаю А. Фофанову и хочу сказать, что, по-моему, еще К. Хафизова хорошо написала в своей монографии, что нужно понимать, что в XVIII, XIX вв. были методы, средства европейской дипломатии и восточной дипломатии, и они были совершенно разными. В этом была проблема Российской империи, что она навязывала региону свою методику проведения и организации этих отношений. Тут речь идет, прежде всего, о системе договоров, которая была достаточно чужда восточному обществу. И второй момент. Мне кажется, что даже сами представители МИДа, Азиатского департамента, МВД в начале, по крайней мере, XIX в. не могли точно дать себе ответ на вопрос, что для них казахские ханы и Казахское ханство, что это за субъект или объект международных отношений. В доказательство я хочу привести примеры из материалов депутатских миссий в Петербург в начале XIX в. Эта система международных контактов, которая была настолько отлажена между Россией и казахскими ханами. Колоссальный объем информации, который мы проработали в архивах, позволяет говорить, что рубежом в понимании Российской империи стало законодательство о сибирских и оренбургских киргизах 1820-х гг. и ликвидация ханской власти. До этого депутатские миссии — их было очень много (и от ханов, и от султанов, и от влиятельных старшин) принимались в Азиатском департаменте, в МИДе, шла серьезная подготовка, не просто так — сели и поехали. Целый штаб работал. Переписка, согласование позиций: когда поедут, каким путем. Сопровождали по всей территории страны в Петербург. Решали вопрос размещения (для этого были специальные казенные дворцы в Петербурге, где этих приезжающих депутатов размещали), как их кормить, как их развлекать. Тщательно согласовывалась процедура встречи с императором, депутатские послания, депутатские прошения, что нужно в урегулировании российско-казахских отношений. Причем это обсуждалось на межгосударственном уровне. И вот совсем другая ситуация после 1822–1824 гг., после принятия уставов. В самом Азиатском департаменте и в МВД не знали, что делать, где теперь эти депутатские миссии принимать. К этому подключался Сибирский комитет. МВД и МИД не хотели брать на себя эти функции. И дело было не столько в финансах, сколько в не очень четком представлении о том, что же теперь после уставов для России представляли Младший и Средний жузы. Автономны они или нет.